

было показано в известном фантастическом фильме «Матрица». Человечество не должно допустить этого. Однако указанный метод открывает и перспективы его позитивного использования. Возможно, способы создания субъективно реальных, но объективно нереальных ситуаций найдут в будущем применение в учебных и тренировочных целях, в определении профессиональной пригодности, в создании принципиально новых видов искусства (с полной иллюзией присутствия и даже участия зрителей в представлении), а также как форма хранения и актуализации чувственного опыта прошлых поколений.

Выше были описаны основные формы бытия. В их рамках существует неисчислимое множество более частных форм бытия вплоть до единичных, например, данного цветка в вазе, данного домашнего кота, данного человека, данной конкретной идеи. Философия, науки, искусство, религия призваны как можно полнее и глубже постигать те или иные сферы и стороны бытия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чанышев А. Н. Трактат о небытии // Вестник МГУ. Сер. 7. Философия. 2000. № 2.
2. Губанов Н. И. Категория идеала и возможность за интерпретацией с помощью понятия информация // Философская мысль. 1987. Кн. 7.
3. Вольф Р. П. О философии: Учебник / Пер. с англ. М., 1996.
4. Алексеев П. В., Панин А. В. Философия: Учебник. Изд. 2-е. М., 1997.
5. Введение в философию: Учебник: В 2 ч. Ч. 2. М., 1989.
6. Дубровский Д. И. Психика и мозг: результаты и перспективы исследования // Психологический журнал. 1990. № 6.
7. Хоружий С. С. Род или недород? Заметки к онтологии виртуальности // Вопросы философии. 1997. № 6.
8. Лем Ст. Сумма технологии. М., 1968.

Тамара Федоровна ГУСАКОВА —
доцент кафедры философии,
кандидат философских наук

УДК 101.1

ФИЛОСОФИЯ КАК ПРОБЛЕМА ДЛЯ СЕБЯ САМОЙ

АННОТАЦИЯ. На основании сравнительного анализа философских учений прошлого и настоящего автор статьи исследует специфику философской формы познания, проблему самоопределения философии.

Applying comparative analyses to the philosophical theories of the past and present the author investigates the philosophic forms of cognition peculiarities and the problem of philosophy self — determination.

Дефинировать понятие «философия» — занятие не из легких. Вопрос «что такое философия» при всей банальности его постановки содержит до сих пор неполноту и неопределенность в своем базисе, устранить которую не удалось отвечающим. На поставленный вопрос получены столь разнообразные и бесконечно далеко отстоящие друг от друга ответы, что ситуация кажется безнадежной. Ясно только одно — единой и точной дефиниции философии нет и вряд ли таковая вообще возможна.

Усиливающаяся дивергенция философских систем ставит под сомнение саму идею единства философского знания. Эпитет «гомогенная» к философии, безусловно, неприменим. Более того, звучат даже заявления о полной анархии философских позиций (Шлик Мориц). Неудивительно, что некоторые считают понятие философии в принципе неопределимым. Так, К. Поппер утверждает, что сущность философии невозможно отлить в некотором определении. Определение слова «философия» может иметь только характер конвенции.

Здесь начинается проблематичность самой философии.

Операция определения понятия «философия» таит в себе и другую сложность. Как заметил Р. Арон, «чтобы определить, что такое философия, нужно проанализировать различные системы и выделить их общие черты, но чтобы понять, что относится к философии, чтобы выделить главное, нам уже нужно иметь определение того, что мы ищем. Неизбежный круг...» [1].

Известно, что всякое определение решает две задачи. Оно, во-первых, отличает и отграничивает определяемый предмет от всех иных. Стало быть, вопрос о сущности философии есть также вопрос о границах философского знания, философской компетенции или, по выражению Г. Зиммеля, вопрос об юрисдикции философии. У него эта проблема приобретает острую форму: «Чем быть философии, и быть ли ей чем-нибудь, или же одна бессмысленная фантазма соединяется с ее именем?» [2].

Дефиниция понятия «философия» необходима как способ идентификации ее предмета. Несомненно, что предмет философии в ходе истории подвергался изменению. Но при всех этих изменениях оставалось нечто непреходящее в философии. Одну из попыток вычленить непреходящее содержание философии предпринял в свое время Гегель. Что же образует непреходящее в философии?

Непреходящим в каждой философской системе, по Гегелю, является ее принцип, который последующим развитием философии ассимилируется, а преходящим — абсолютизация этого принципа. Так, атомизм, притязающий на роль всеобъемлющего объяснительного принципа, опровергнут, а как одно из определений реальности он сохраняет непреходящее значение.

Другая попытка отыскать непреходящее в философии принадлежит В. Дильтею. Основоположник понимающей психологии считал непреходящей в философии тенденцию к универсальности, стремление духа к постижению мира в целом. Задача философии (как «науки о духе»), по Дильтею, — понять «жизнь» исходя из нее самой. Как философ романтического склада, Дильтей склонен был к признанию «последней тайны» жизни, к которой интерпретатор может только приближаться, но не постигать ее до конца.

Определение, во-вторых, должно раскрывать сущность определяемых предметов, указывать те признаки, без которых они не способны существовать. Что же является в таком случае *differentia specifica* философии? Проблема состоит еще и в том, что этот отличительный признак (или признаки) философии должен быть общим для различных философских систем. А то получится, мрачно шутил Виндельбанд, что, «с философами дело обстоит таким же образом, как с различными людьми, носящими имя Павла, для которых также невозможно найти общий признак, на основании которого все они носят это имя» [3].

Одни видели специфику философии в ее предмете (Платон, Гегель), другие — в методе (Витгенштейн, например, считал, что у философии нет своего предмета изучения. Философия — это логическая процедура анализа языка), третьи полагали, что философия не может быть определена ни через свой предмет, ни через свой метод (Р. Арон).

Еще Аристотель в «Метафизике» определил отличительную особенность философии в следующем: все другие науки имеют позитивную область, являющуюся их специальным предметом, философия же, исследуя сущее как таковое, не имеет очерченного таким образом предмета.

В современных спорах о предмете философии просматриваются две позиции. Согласно одной, предмет у философии есть и находится вне философствующего субъекта (А. Г. Спиркин, например, полагает предметом философии всеобщие закономерности, не изучаемые другими науками). Согласно другой, предмет философии «в потенции» скрыт в процессе философствования, в философском мышлении (А. Ф. Зотов). Философ, в отличие от ученого, не имеет внешне дистанцированного от него предмета, он сам находится внутри изучаемого объекта.

У философии, как мне представляется, необычный предмет. Предмет философии лежит за пределами чувственного опыта. Таковыми выступают **трансцендентальные объекты**. К рангу трансценденталий принадлежат, например, бытие, благо, истина, красота, добро. Трансцендентальные объекты имеют иной статус существования — пограничный. Философ работает с особыми объектами, выходящими за рамки мира «физики».

Ядро философской проблематики — метафизика — учение о предельных, сверхопытных принципах бытия, сознания, культуры.

Философия — пограничный феномен. Ее положение «средоместное», промежуточное. «Топос» философии одни определяют между мифом и наукой (А. Н. Чанышев), другие между поэзией и религией (П. Юшкевич). Б. Рассел считал философию чем-то промежуточным между теологией и наукой, открытой для атак с обеих сторон.

Язык философии занимает срединное положение между образностью мифа и знаково-понятийным теоретическим аппаратом науки. Язык философии имеет **символический**, а не знаково-денотативный характер. Именно символ выражает «ощущение запредельности».

Философ и переводчик П. Юшкевич, сравнивая научные понятия с философскими, писал: «Совсем иной характер носят философские понятия. Они какие-то мерцающие, точно звезды, то сжимающие свой пучок света, то снова разжимающие его. Они полны намеков и обетований: «сущее», «бытие», «становление» — это не сухие отвлеченные термины логики, это сложные символы, под которыми помимо их прямого смысла, скрывается еще особенное богатое содержание» [4].

Для большинства философских категорий невозможно указать референты (денотаты) в физической реальности. В философских концептах референциальная связь с объектом заменяется корреляцией с «целостностью опыта» (Делез Ж., Гваттари Ф.).

Специфичным для философии является умозрительный способ развития понятий, **спекулятивность философского мышления**. Философское знание в принципе не может быть эмпирическим.

В различные эпохи существовали противоречивые концепции философии. Она понималась то как синтез наук, то как учение о бытии, то как учение о ценностях, то редуцировалась до теории познания.

Глава баденской школы неокантианства В. Виндельбанд определял философию как «учение об общезначимых ценностях». Ценности фактически не существуют, они значат. Философия есть учение о том, что реально не существует, что противостоит всякой реальности. «Все отдельные предметы, — писал Виндельбанд, — розданы особым наукам — философия подобна поэту, который опоздал к дележу мира. ... Философия подобна королю Лиру, который роздал своим детям все свое имущество и которого вслед за тем, как нищего, выбросили на улицу» [3].

Если под «отдельными предметами» понимать обычные предметы, которые можно изучать научными методами, то Виндельбанд прав — философия опоздала к дележу мира. Но она отнюдь не обездолена. И аналогия философии с королем Лиром по сути ложна. Отдельными предметами как таковыми философия никогда и не занималась. Философия всегда имела дело с «сущностями», а не с фактами. Если научное познание идет к отдельным предметам, то философское познание — к целостности бытия.

Традиция, зародившаяся еще в античности, но достигшая кульминационной точки в своем развитии лишь в Новое время, — стремление превратить философию в науку *sui generis*.

В сциентифицированной философии доля мудрости, связанной с проблемами человеческого существования, становится ничтожно малой. Идея научной философии противоречит природе философии. Философия — особая форма деятельности человека, отличная от науки, но тесно связанная со становлением и развитием науки.

Вопрос о сущности философии, который в кантовском варианте звучит «как возможна философия?», а в попперовском — «какой мне видится философия?» необходимо включает в себя следующий ряд вопрошаний: что представляет собой философская деятельность? В чем видит свою миссию философ? Каким должен быть великий философ?

Задачу философа Платон формулировал так: сосредоточиться на рассматриваемом предмете таким образом, чтобы выявить в разнообразии явлений общее, принадлежащее «идее». В более интимном варианте, философия, для Платона, беседа души с самой собой. Аристотель видел в философии исследование о «причинах и принципах вещей».

Изначально философия была не только стремлением к сущему, попыткой понять «первые основания и причины». Еще у истоков своего существования философия получает универсальное значение особого жизненного пути. Для буддиста, даоса, киника философия — это *modus vivendi*. Принадлежность к разным философским школам требует от адептов приверженности разным жизненным стилям.

Философия выглядит как одно из самых странных занятий — она, в сущности, не «занятие», а способ существования человека как человека. Ей привержены «ищущие смысла», «взыскующие истины, добра, красоты».

Философия призывает каждого человека к глубокому самосознанию, к сократовскому «познай самого себя». Именно **рефлексия** определяет ценность философии как философии.

Призваны к философии все люди, но следуют этому призванию немногие. Настоящей ясности и глубины самосознания в его личном, национальном и эпохальном измерении достигают редкие из людей. Они и носят с полным правом имя философов. Все великие философы — представители своего народа, они доводят до сознания то, что темно и безотчетно таится в духе народном.

Образ философии и отличительный ее признак для Монтеня — это неизменно радостное, чуть ли не шаловливое восприятие жизни. Мнимые философы, сетовал неунывающий француз, превратили ее в пугало, устрашающее род человеческий.

По Канту, философия есть наука о последних целях человеческого разума. Философия является единственной наукой, которая имеет систематическую связь знаний и придает всем другим наукам систематическое единство.

Называя философию наукой, И. Кант любил говорить, что можно научить только философствованию, а не философии. Что же это такое, как не признание ненаучности философии?

Истинный философ, по словам Канта, тот, кто применяет свой разум самостоятельно, свободно и оригинально.

Гегель трактовал философию как мышление и постижение духа времени. Размышление над гегелевскими текстами приводит к выводу, что у философии есть несколько бросающихся в глаза особенностей. Раньше всего заметны вот какие ее черты. Философия есть развитая культура способности мыслить, высокое напряжение духа. «Всякое философствование требует наличия известной ступени духовной культуры народа» [5]. Философию Гегель понимал как высшее выражение свободы мышления. Для появления философии необходимо сознание свободы, «должен исчезнуть напор вожделений, должны быть изжиты страсти, и сознание должно далеко

продвинуться, чтобы думать об общих предметах». «Философия начинается там, где всеобщее понимается как всеобъемлющее сущее, или, иначе говоря, там, где сущее постигается всеобщим образом, где выступает мышление мышления» [5].

Существенными чертами философии, по Гегелю, является внутренне причастная философии и ее предмету **всеобщность и рефлексия** (мышление мышления).

В XX в. одним из оппонентов Гегеля выступил К. Поппер, который посчитал гегелевскую идею философии как выражения духа времени идеей, не выдерживающей критики. Провоцирующие моменты, несомненно, присутствуют и в заявлении Поппера: «Я не считаю философию средством для обретения ума» [6].

Философом, утверждал Зиммель, можно было бы назвать того, у кого есть орган для восприятия и реакции на бытие в целом. Предпосылкой философствования, настойчиво повторял Зиммель, является способность оцеления, тотализирования в каких бы индивидуальных формах она ни раскрывалась.

Подлинные философы, убежден Ницше, должны определять «куда» и «зачем» человека. Философ как человек завтрашнего и послезавтрашнего дня всегда в разладе со своим «сегодня», его врагом всегда был сегодняшней идеал.

Такую дефиницию миссии философа плоской не назовешь. Философская деятельность, по словам Ницше, идеалоразрушительная (в отношении настоящего) и идеалообразующая, определяющая векторы человеческой жизни, выбор высших целей и ценностей.

На вопрос «чем была до сих пор всякая великая философия?» ницшеанский ответ — исповедью ее творца.

Конечно, в имперсональной, отчужденной форме философия невозможна. Но категорично утверждать, что философия не имеет другого содержания, кроме как интимной откровенности «о себе — любимом» философа, было бы самонадеянно.

Мне представляется, что выдающиеся философские системы создаются не только ради самовыражения их творцов. Философия — личное, национальное и эпохальное самосознание. Она есть самосознающее мышление в трех указанных измерениях и редуцировать философию только к личному самосознанию — значит давать заведомо узкую дефиницию.

Особый интерес вызывает то, какие самоопределения давали себе философы, кем они себя осознавали.

Самого себя философ может называть «**коррективом эпохи**» (Кьеркегор), или «**врачом цивилизации**» (Ницше), или «**интеллектуальным полицейским**», следящим за тем, чтобы никто не вступил в сферу метафизики (Айер), или **революционером в сфере мышления** (Поппер).

Великий философ, полагал, П. Рикер, — это тот, кто открывает новый способ спрашивать, предлагает новый способ ставить проблемы [7].

Рикер обратил внимание на важнейшую особенность в деятельности философа. В философии каждый оригинальный мыслитель отличается не только тем, как он отвечает на известные вопросы, но также и тем, как он ставит их. Вопросы философии иногда важнее ее ответов. Это так. Но не могу согласиться с тем выводом, который делает из этого тезиса Рикер. Французский философ убежден, что новая постановка философских проблем, а тем более выдвижение проблем, которых не знала предшествующая философия, имеет исключительно личностную обусловленность. Новизна манеры ставить вопросы, по мысли Рикера, зависит от гениальности и неординарности философа, преодолевающего исторически сложившуюся типологию проблем. Рикер недооценивал социальную и историческую обусловленность изменений, происходящих в философии и, кроме того, внутреннюю логику развития философского знания.

Справедливо заметить также, что философские проблемы выдвигаются не только философами, но и учеными (великий исследователь — всегда философ), всеми мыслящими людьми.

А количество философских учений не определяется количеством философствующих индивидов, и число оригинальных философских лейтмотивов, способных определить собой мирозерцания, очень ограничено (Зиммель).

Безусловно, вопрошание — могучий внутренний стимулятор развития философии. Философская деятельность — это скорее **вопрошание**, и в этом ее специфика. Идею вопрошания как побудительного начала философии поддерживали Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, Г. Гадамер. Последний, анализируя манеру постановки «вечных» философских проблем, задавал резонный вопрос: «Действительно ли о свободе во все века спрашивают одинаково?» [8].

Взаимодействие вопроса и ответа — типичная форма диалога. Философский диалог в чистом виде — явление редкое, однако все философское творчество глубоко **диалогично**. Диалогический принцип лежит в основании философского знания. В кажущемся монологе одинокого мыслителя слышны голоса других, ощутимы влияния, неизбежны заимствования. Тональность диалога может проявиться в скрытом присутствии собеседника.

Философия — это обнажение и самообнажение (Ортега-и-Гассет). «В какой-то мере, — утверждал Ортега, — и философ и парикмахер занимаются одним и тем же: один стрижет, а другой — «бреет» наголо, обнажая суть вещей» [10].

Философ не только обнажает сущность вещей, но и собственную душу. Уровень полноты исповедной откровенности при этом был различный. Пожалуй, в искусстве выворачивать душу наизнанку не было равных в Германии — Ницше, в России — Розанову. «Русский Ницше» шокировал читателя предельной обнаженностью своего внутреннего мира. Философия в некотором смысле **эксгибиционистична**.

Великий философ, кроме тех слов-дескрипторов, которые для его описания были уже употреблены, есть тот, кто привносит новый образ мысли, тот, кто стал (по Фуко) **«мыслить иначе»**.

Философия — **концептотворящая деятельность**. «Чего стоит философ, если о нем можно сказать: он не создал ни одного концепта, он не создал сам своих концептов?» [10]. Концепты всегда несут на себе личную подпись: анаксимандровский апейрон, аристотелевская субстанция, декартовское *cogito*, лейбницианская монада, кантовское априори, шеллингианская потенция, гегелевская абсолютная идея, бергсоновская длительность. Концепт — специфический вид понятий. Это устойчивый сгусток смысла. Конечно, способностью формировать интересные концепты обладают не все философствующие. Иные создают то, что Ницше называл «бесформенной и жидкой концептуальной размазней».

Философия всегда была прорывом к миру смысла, поиском смыслов бытия, вечным переосмыслением. Философская рефлексия стремится прежде всего проникнуть в смысловое содержание текстов и изучить духовный мир человека через текст. Философская деятельность по существу своему **интерпретативна**. Новизна философского знания, его неисчерпаемая самобытность во многом обеспечиваются интерпретационной природой философского знания.

В завершение своих рассуждений о самоопределении философии остановлюсь на «удивительной», «романтической», по словам М. Хайдеггера, дефиниции Новалиса: «Философия есть, собственно, ностальгия, тяга повсюду быть дома».

По строгим правилам логики такая дефиниция неверна. В дефиниенсе содержится метафора, нарушается правило ясности и точности определения. Однако поэт не был бы поэтом, если бы не нарушал логических норм. Заметим: метафора Новалиса не истрепалась, не стала чувственно бессильной. Напротив, Хайдеггер даже назвал ностальгию фундаментальным настроением философствования.

Ностальгия (гр. *nostos* — возвращение домой, *algos* — страдание, боль) — тоска по родине.

Любая метафора, создавая образ, порождает смысл. Метафора работает на категориальном сдвиге. Она отвергает принадлежность объекта (в нашем случае, филосо-

фии) к тому классу, в который она на самом деле входит, и утверждает включенность ее в категорию, к которой она не может быть отнесена на рациональном основании. Метафора улавливает сходство между очень разными классами объектов. Казалось бы, что общего между философией и ностальгией? Какие далекие связи связывают их?

Метафорически философия и есть укоренность, почва под ногами, оседлость, глубина корней, органичность, целостность. Философия призвана зиждить основы, искать точки опоры. В этом смысле понятно, почему Гуссерль требовал, чтобы у мысли была почва. И нет ничего странного в том, что вся рефлексия Хайдеггера о бытии и сущем сближается с землей и территорией. С философствованием человек обретает свои истоки.

Метафора, найденная поэтом и философом Новалисом, удачна. Во всяком случае более удачна, чем его эксцентричный тезис: «Философия начинается с поцелуя».

ЛИТЕРАТУРА

1. Реймон Арон. Избранное: Введение в философию истории. СПб.: Университетская книга, 2000. С. 60.
2. Зиммель Г. Сущность философии. В сб.: Вопросы теории и психологии творчества. Т. VII. Харьков, 1916. С. 253.
3. Виндельбанд В. Избранное: Дух и история. М.: Юрист, 1995. С. 28, 34.
4. Юшкевич П. С. О сущности философии. (К психологии философского мирозерцания). Одесса, 1921. С. 8.
5. Гегель Г. В. Ф. Отношение философии к другим областям. Соч. Т. IX. Лекции по истории философии. М., 1932. С. 88-89.
6. Поппер К. Р. Какой мне видится философия? // Хрестоматия по истории философии: В 3 ч. Ч. 2. М.: Владос, 1997. С. 204.
7. Русоур Р. Histoire et verite. P., 1955. P. 78.
8. Гадамер Г. Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. С. 32.
9. Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. М.: «Весь Мир», 1997. С. 560.
10. Ж. Делез, Ф. Гваттари. Что такое философия? СПб.: Алетейя, 1998. С. 15.

Марина Георгиевна ЧИСТЯКОВА —
доцент кафедры философии,
кандидат философских наук

УДК 7.01

«НУЛЕВАЯ ОНТОЛОГИЯ» К. МАЛЕВИЧА

АННОТАЦИЯ. Одно из самых известных произведений авангардного искусства XX в. — «Черный квадрат» К. Малевича рассматривается в статье в контексте феноменологии Э. Гуссерля и экзистенциализма М. Хайдеггера.

One of the most well-known works of avant-garde art of the XX-th century — K. Malevich's «Black Square» — is considered in the context of E. Husserl's phenomenology and M. Heidegger's existentialism.

В начале декабря 1913 г. К. Малевич представил публике свой знаменитый «Черный квадрат». Премьера прошла незамеченной, так как ее совершенно затмило событие, в рамках которого она состоялась: постановка оперы М. Матюшина «Победа над Солнцем» силами первого в мире футуристического театра «Будетлянин». Именно здесь во втором действии, в качестве задника сцены, впервые появляется самое известное произведение искусства авангарда.